

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И29

Художественное оформление *Владимира Мачинского*

Иллюстрация (карта) *Виктории Лебедевой*

Идиатуллин, Шамиль Шаукатович.

И29 Последнее время : роман / Шамиль Идиатуллин. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. — 478, [2] с. — (Другая реальность).

ISBN 978-5-17-127464-1

«Последнее время» — новый роман Шамиля Идиатуллина, писателя и журналиста, автора книг «Убыр» (диалогия), «Город Брежнев» (премия «Большая книга») и «Бывшая Ленина».

На этой земле живут с начала времен. Здесь не было захватнических войн и переселения народов, великих империй и мировых религий. Земля позволяет «своим» жить сыто и весело — управлять зверями, птицами и погодой, обмениваться мыслями и чувствами, летать, колдовать — и безжалостно уничтожает «чужих». Этот порядок действует тысячелетиями, поддерживая незыблемый мир. А потом прекращается. И наступает последнее время.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127464-1

© Идиатуллин Ш.Ш.
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог

9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕТИ ЛЕГКО

17

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О КРОВИ НЕ БЕСПОКОЙСЯ

93

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПЕРЕСТУПИ ВТОРУЮ ЧЕРТУ

183

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПРИНЕСИТЕ ЖЕРТВУ

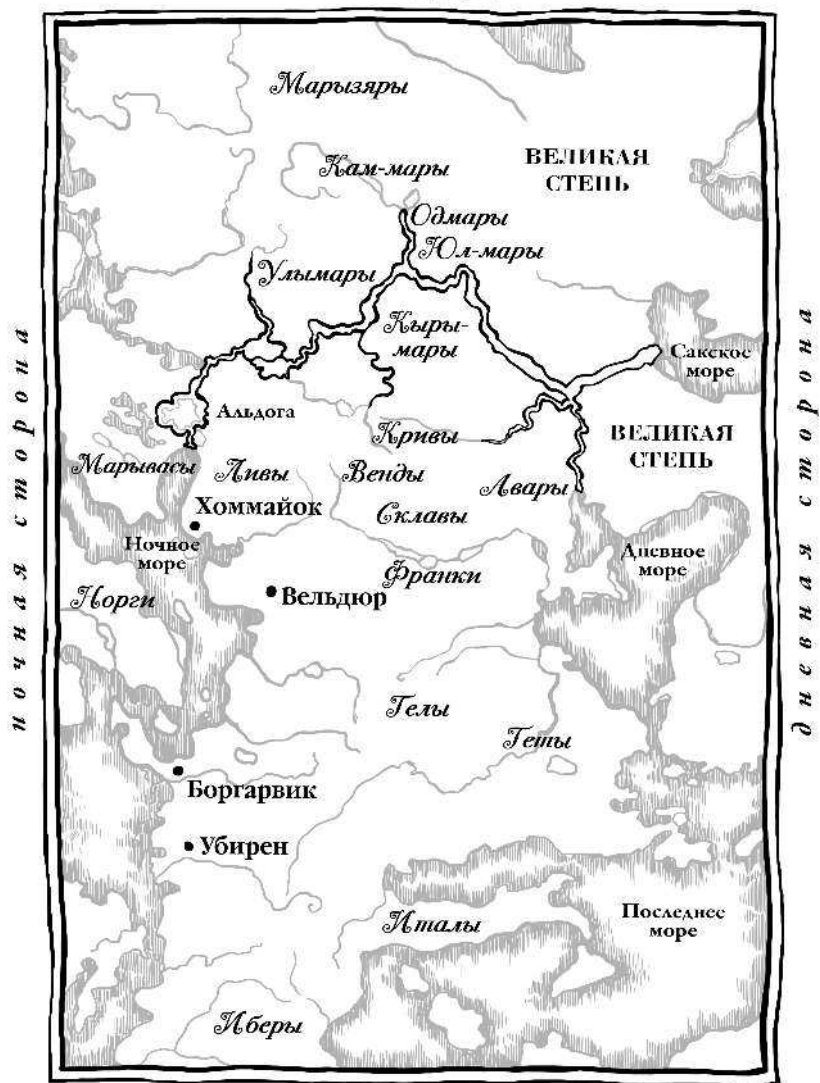
269

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

ЗНАЧИТ, МЫ

349

в о с х о д

ночная сторона

дневная сторона

з а к а т

Пролог

Сон был горек и невыносим.

Он закричал, чтобы проснуться.

Он проснулся, чтобы закричать.

Ни закричать, ни вдохнуть для крика, ни просто вдохнуть не получилось: Малой закрыл ему нос и рот горячей корявой ладонью.

— Тихо, — сказал Малой. — Тихо.

Он спросонья задержался, пытаясь вырваться. Стало хуже: ладонь, твердая и пахнущая сталью, вдавилась в лицо, плюща губы о зубы и почти ломая нос. Ему ломали нос дважды. Он помнил и больше не хотел. В голове уже шумело, в груди екало, а нижнюю губу прижгло гладким холодком так, что еще немного — и снова будет лохматой и соленой.

Он поспешно закивал — то есть попробовал, голова почти не двигалась.

Малой убрал руку, держа ее на весу, чтобы, если надо, хлопнуть — и губы всмятку.

Он вздохнул жадно, но медленно, боясь свистнуть или хрипнуть. Во рту было горько и сухо. Так лучше, чем когда солено и мокро.

Малой кивнул и спросил:

— Готов?

К чему, хотел он спросить, но губы так и не отлипли от зубов, а горло и язык будто засыпало морским песком и обдуло морским ветром. Морским, подумал он, пытаюсь вспомнить, что это значит, но не вспомнил. Малой сказал:

— Айда. Небо ждет.

Неба не было видно. Ничего не было видно. Всё сверху, снизу и во все стороны было черным, молчаливым и спрятанным: ни земли, ни слишком высоких, достающих до облаков деревьев, ни самих облаков, ни звезд, ни птиц, пчел, мух и всего, что всегда составляло мир — там, где он привык жить. Ну, существовать. Ну, почти привык.

Но небо ждало. Он знал.

Все знали.

Он встал, покачнулся, потому что приучился качаться, встал прочно, потому что под ногами не качалось. Малой как будто видел или просто знал, тут же легонько толкнул в плечо — сюда, — и шагнул сам. Трава шорохнула и замолчала. Чуть дальше скрипнула ремень. Слева тоже донесся шелест одежды.

Они пошли под невидимым ждущим небом — должно быть, неровной цепочкой. Он мельком удивился тому, что умеет ходить по черному, неподвижному и несуществующему, не спотыкаясь и даже не натываясь на деревья, — и чуть не влетел в дерево. Лист мазнул по лбу, он застыл, рука Малого взяла его за шкуру и отправила в обход препятствия. Дальше он и сам чувал что-то впереди, что-то справа, что-то на уровне колен, — обходил, перешагивал, подныривал, — и обнаружил, что черное становится серым. Если небо их еще и не дождалось, то они дождались

неба, темно-синего и по-мышьиному изгрызенного понизу макушками слишком больших деревьев, из-под которых они вышли.

Одна из верхушек прыгнула, распахнулась в черный лист вроде подорожника и понеслась через небо. Он вздрогнул, провожая лист глазами. Малой застыл рядом, прошелестел раз и два, звонко ударила тетива.

Небо дождалось раньше, чем ожидалось. Слишком рано.

Черный подорожник дернулся и рухнул — косо, как наледь со скалы. В воздухе лист был беззвучен, а упал очень звучно, со шмяканьем и хрустом, которые в ночи слышнее крика. И шепот слышнее крика, торопливый и непонятный, но человеческий шепот, потекший от места падения.

На шепот бросился один из них — Рыжий, как-то понял он, даже не видя, — только Рыжий умел бегать так быстро и только Рыжий так умел ножом.

Стало светло и больно глазам. Жмуриться было странно, как идти с отвернутой за плечо головой, а все равно светло и больно. Он открыл глаза и задохнулся.

Деревья далеко впереди и сбоку полыхали черным, неподвижно и страшно. Чужая земля от деревьев и до самых его ног полыхала зеленым и коричневым, лениво шевелясь и будто переползая ленточками, как переползает жар по углям. А небо над землей и деревьями полыхало убийственно белым, хотя оставалось темно-синим. Словно удалось увидеть ослепительно снежную основу толстого темного ковра из главного йорта. Словно удалось увидеть весь мир, в центре которого он существовал и который существовал вокруг него. Весь непредставимо огромный мир — от бесконечно-

го ряда страшных белых солнц за слоями неба до малых букашек в паутине бледных корешков под ногами и до пульсирующих кусочков, из которых эти букашки и корешки сложены. Он видел, он слышал, он чувствовал — ушами, ресницами, пятками, вставшей дыбом холкой, нагревающимися, будто репа в кипятке, глазами яблоками — и не успевал понять, в какие узоры и смыслы складывается чудовищно сложный, разборчивый и четкий мир. Он понял только, что сейчас они умрут.

Это поняли все — даже Рыжий, который стремительно и ловко, но все-таки мучительно медленно и тяжело вскакивал с колен, с земли, от смиренно лежащего на спине рыжего паренька в странной белесой одежде, неровно раскрашенной темным, — вышивкой и кровью. Кровь проступала вокруг торчащей из живота стрелы с оперением Малого и толчками плескалась из раны, почти разделившей паренька на две неровных части, от правого уха к левой ключице, тонкой и невыносимо белой под расшитым воротником. Паренек, будто подгоняя выплески, скреб пальцами неловко вывернутой левой руки по краю странной кожистой пластины, на которой лежал. Пластина была похожа на причудливо изуродованное и растянутое седло и светилась отчаянно и не по-настоящему, особенно там, куда натекла кровь.

Паренек, жутко, как братишка, похожий на Рыжего, не перестал шептать, даже когда нож Рыжего с чавканьем рубил ему шею и грудь — просто шептание стало свистящим и булькающим. Лицо паренька было сосредоточенным, точно он не умирал, а на ощупь подбирал подходящий по размеру гвоздик из кучи не-

подходящих, — а смотрел он на Рыжего. И продолжал шептать, совсем неслышно.

Рыжий наконец выпрямился, чуть наклонил голову к плечу, разглядывая паренька, стряхнул кровь с ножа и чуть увел его в сторону для нового удара, и тут черная зазубренная полоса леса распахнулась до неба и до ног, мир провалился, а паренек, коснувшийся, наконец, пальцами земли, вцепился в нее последней хваткой, улыбнулся Рыжему и вмиг стал темным, лиловым, ненастоящим — весь, даже одежда. Рыжий упал на паренька то ли сам, чтобы добить, то ли от удара, сотрясшего мир, и оба они осыпались лиловой крошкой, словно трухлявый пенёк, растоптанный лосем.

Он увидел это, хотя снова успел зажмуриться, и сквозь сжатые веки, крича и валясь в черно-зеленую пропасть, видел остальное: что вдали, у леса, стоит еще один рыжий паренек, а далеко за спиной, у реки, по которой они, оказывается, приплыли, присев забавно и пугающе, замер третий, будто нащупывающий разведенными руками и откинутой головой единую плоскость с остальными рыженькими, лежавшим и стоящим, а с противоположной стороны — он ощутил это занывшими на затылке корнями сбритых волос — поднимается на цыпочки и даже чуть выше, всовывая руки в небо, четвертый, такой же рыженький, как остальные, еще жутче похожий на Рыжего, и все одновременно шепчут непонятное, неслышное и страшное, то же, что шептал лилово осыпавшийся паренек, грохотом отзывающееся в небесах и в земле, проворачивающихся в лад шепоту и в лад ударам мира о глаза и ёкающее сердце, и в лад им всхлипывает тетива, вторая, третья, и шикает нож Малого, кото-

рый уже налетает на присевшего рыженького, а тот улыбается Малому навстречу, резко вскидывает руки — и другие рыженькие вскидывают тоже, будто уцепились за разные края ковра, того самого, снежно-синего, и небо, которое они, оказывается, схватили и держали, переворачивается и падает на мир черной плитой.

Снова дождалось.

Его сшибло твердым и вмяло в твердое, со звоном и искрами, ломая и отдирая всё лишнее, руки-ноги-нос-лицо, холодный глинозем сунулся в дыры на место глаз и носа, ниже стало очень больно, остро, неправильно и снова со вкусом желтого металлического штыря, рвущего губы. Он попытался вдохнуть, хрюкнул, сглотнул жаркую соленую землю с колкими камешками, закашлялся, выворачиваясь и умирая, но не умер, а все-таки вдохнул раз и другой, держась за пылающую и саднящую, но вроде не пробитую грудь, попытался сплюнуть, облизать губы, но не смог, а только располосовал язык об остро сломанные зубы.

В ушах гудело, под штанами было рыхло, под руками — скользко. Поморгал, тряся головой, вытер подолом глаза — их защищало, но стало видно.

Что-то.

Что-то дикое.

Он сидел под серой пустотой посреди темной пустоты. Серая пустота была вместо неба, темная пустота была неровным полем, обыкновенным и почти голым до самого леса — можно заметить несколько лиловых пятен, если приглядеться. От леса мимо лиловых пятен шагали к нему несколько человек в белом, первым — широкий и с длинными косами, растущими из

лица. Старик, подумал он. Заплетенная в косы борода была даже белее одежды.

Шевелиться было больно, поворачиваться еще больнее, но он повернулся и постарался рассмотреть, что за спиной. За спиной было такое же голое перепаханное поле с лиловыми пятнами. На краю одного из пятен лежал круглый камешек, похожий на человеческий глаз, бледно-голубой на белом, как у Малого. Камешек моргнул и рассыпался.

Он всхлипнул, наверное, от боли, и опять посмотрел перед собой. Люди застыли по всему полю, образуя непонятный, но ощутимый порядок, связывавший их друг с другом и с лиловыми пятнами. А косатый-бородатый уже стоял рядом. Руки старика были пустыми, но он уже знал, что это неважно.

Он поднял голову, хлюпнул и слотнул натекшую горечь, вдохнул последний раз и стал смотреть туда, где раньше было небо.

Старик что-то негромко сказал.

— Тиде йоча.

Это ребенок, подумал он устало. Вот что сказал старик. Они поняли, что я ребенок. Значит, небо не дождется. Не в этот раз.

Он в последний раз посмотрел туда, где раньше было небо, закрыл глаза и лег на чужую, но уже равнодушную и почти нестрашную землю.